

ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИПЫ ОЗНАЧИВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО МИРА/

PHONETIC AND HIEROGLYPHIC PRINCIPLES OF DESIGNATION OF THE PHYSICAL WORLD

Viktoriya GRINCHENKO

Lecturer, Ph.D. Student

(Altay State University, Russian Federation)

grinchenko_vika@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9638-1533>

Abstract

In the article, types of writing in contemporary languages, especially in Chinese, are discussed. They are related to the conceptualization of reality by the human individual.

Keywords: *type of writing, Chinese, hieroglyph, objective reality, subjective reality*

Rezumat

În articol, se abordează problema tipurilor de scriere în limbile contemporane și, mai cu seamă, în limba chineză. Acestea sunt corelate cu conceptualizarea realității de către individul uman.

Cuvinte-cheie: *tip de scriere, limba chineză, ieroglif, realitatea obiectivă, realitatea subiectivă*

В настоящее время общепринятым считается положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации (Вежбицкая/Vezhbickaya, 1996, с. 75). Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель или картина мира и говорящий организует содержание высказывания в соответствии с этой моделью.

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка, восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта. Согласно его учению, различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает языковое сознание народа (Гумбольдт/Humboldt, 2000, с. 80).

Чтобы ответить на вопрос, что именно рассматривать и как рассматривать, прежде всего, хотелось бы обратиться к системе «трех миров», выведенной К.Р. Поппером. Мир состоит, по крайней мере, из трех различных суб-миров: первый — это физический мир или мир физических состояний; второй — духовный (*mental*) мир, мир состояний духа или ментальных состояний; третий — мир умопостигаемых сущностей (*intelligibles*) или идей в объективном смысле; это мир возможных предметов мысли, мир теорий «в себе» и их логических отношений, аргументов «в себе» и проблемных ситуаций «всебе» (Поппер/Popper, 2002, с. 85).

Человеческий язык принадлежит к всем трем мирам. В той мере, в какой он состоит из физических действий или физических символов, он принадлежит первому миру. В той мере, в какой он выражает субъективное или психологическое состояние, или в той мере, в какой усвоение или понимание языка включает изменение нашего субъективного состояния, он принадлежит второму миру. И в той мере, в какой язык содержит информацию, в той мере, в какой он говорит, высказывает или описывает нечто, передает любой смысл или любое осмысленное сообщение, которое может влечь за собой другое, согласовываться с другим или противоречить ему — он принадлежит третьему миру.

Но в своей статье мы остановимся, прежде всего, на мире физическом.

Слова, идеи и вещи – это аналогические и взаимодействующие ряды явлений (Виноградов/Vinogradov, 1999, с. 36). Но соотношение между ними – сложное. Слово – это не только средство выражения мысли, но и форма ее становления, орган образования мысли (как говорил Гумбольдт) – и вместе с тем сама сформировавшаяся мысль.

Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях. Отдельные слова, как смысловые структуры, существуют лишь в контексте этих систем, в их пределах они обнаруживают по-разному свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они соотнесены друг с другом и непосредственно как члены одного и того же семантического ряда, и опосредствованно как звенья параллельных или соприкасающихся семантических рядов (Виноградов/ Vinogradov, 1999, с. 58). В сущности, полное раскрытие смысловой структуры слова, т. е. не только его вещественного отношения, но и целостного «пучка» его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней (Виноградов/ Vinogradov, 1999, с. 73).

В этой связи представляется интересным рассмотрение китайского языка, так как он является одним из немногих языков, который до сегодняшнего дня сохраняет пиктографическую письменность. При этом, из-за традиционного стремления китайцев сохранить свою историю и брать от истории самое лучшее, многие письменные памятники древности сохранились и дошли до наших дней. Это позволяет нам увидеть всю ретроспективу развития китайского языка и письменности и провести ее анализ.

В китайском языке существует очень четкое разграничение между письменностью и фонетическим звучанием языка. Письменность, в глазах древних китайцев, была отражением не предметов, но их теней

и следов, то есть превращенных, измененных образов, в конечном счете — самого акта преобразования бытия, которое обнажает предел всех вещей (Малявин/Malyavin, 2001, с. 346).

В результате, китайская письменность, будучи в своем исходном виде идеографической, получала статус самостоятельной, отвлеченной от своих физических прототипов реальности (считалось, например, что символы «Книги Перемен» являют сокровенный, «истинный» образ тех или иных ритуальных предметов). Так письменность оказывалась могущественным фактором согласования природы и культуры, естества вещей и человеческого творчества.

Если говорить о природе китайской письменности, надо сказать, что уже в древности письменные знаки превзошли уровень пиктограмм. В основе иероглифической письменности лежат простейшие изобразительные и указательные знаки. К последним относятся, например, 上 и 下, где их значения "верх" и "низ" условно обозначены вертикалью над и под горизонтальной чертой, что как бы имитирует соответствующий указательный жест. Пиктографический, т.е. чисто изобразительный, знак первоначально представлял собой примитивный рисунок. Например, рот изображался полукругом, выпуклостью вниз, с поперечной линией сверху; таково происхождение иероглифа 嘴 "рот". С течением времени рисунки схематизировались и, в конце концов, приобрели современный вид, где от первоначальной изобразительности не осталось и следа. Ни один иероглиф не сохранился в той форме, в которой он имел непосредственно понятную пиктографическую выразительность. Значение всех рисуночных знаков, а следовательно, и всех простейших лексически значимых элементов иероглифики, сейчас совершенно условно.

В китайской письменности рисуночные знаки, пиктограммы, составляют ничтожное меньшинство. Гораздо значительнее число так называемых идеограмм. Например, иероглиф 立. первоначально имел вид рисунка человека, стоящего, расставив ноги, к этому изображению добавлена горизонтальная черта внизу; однако этот рисунок представлял собой изображение не человека как такового, а его позы и значил "стоять". В сложной идеограмме условный смысл вытекает из соотношения значений частей. Например, иероглиф 命 в первоначальной форме изображал постройку - святилище или жилище правителя (верхняя часть иероглифа 宀 с чертой под ней - изображение крыши), перед ней коленопреклоненную фигуру человека и слева от нее рот; все это изображало почтительное выслушивание повеления, откуда значение иероглифа "приказание". Как видно из этого примера, значение древней идеограммы, как правило, понятно только в свете тех культурно-исторических условий, в которых она создавалась.

Идеограммы продолжали составляться и из готовых графических элементов, уже утративших изобразительный характер и приобретших чисто условное значение. Таково происхождение большинства иероглифов, смысл которых в их нынешнем виде связан со значением входящих в них элементов. Таков, например, иероглиф 伐, который состоит из элементов "человек" и "копье" и значит теперь "рубить", а первоначально - "ударять копьем (врага)".

Большинство иероглифов не представляет собой ни простых изобразительных знаков, ни идеограмм, а принадлежит к третьему, смешанному типу, так называемым фоноидеограммам. В фоноидеографическом иероглифе слово, им обозначаемое, фонетически тождественно слову, обозначаемому одной его частью, другими словами, чтение знака в целом совпадает с чтением одной его части. Например, иероглиф 誹 "злословить, чернить, порочить" и 非, одно из значений которого "дурной, плохой; зло", оба произносятся фэй; знаки 柑 "апельсин", 蚶 "устрица" и 甘 "сладкий" все три читаются гань (в китайском языке). Другая часть знака имеет идеографическое значение, а именно, она определяет область понятий, к которой относится конкретное значение данного знака, отчего и называется «детерминатив», или «ключ».

Существовало два способа создания фоноидеографических знаков.

Во-первых, фоноидеографические иероглифы появились в результате обозначения нового производного значения какого-либо слова новым иероглифом, состоящим из первоначального иероглифа и добавленного к нему детерминатива. Звучание обоих знаков в этом случае оставалось одинаковым, так как они имели разные значения одного слова. Например, когда слово фэй 非 кроме значения "дурной, плохой; зло" приобрело значение "злословить", был создан новый знак 誹 путем прибавления к 非 детерминатива 言 "слово". Впоследствии наличие отдельного иероглифа для каждого значения приводило к распаду первоначально единого слова на два отдельных. Развитие каждого из них могло идти различными путями и приводить к значительному ослаблению связи между ними.

Во-вторых, фоноидеографические иероглифы появились в результате обозначения некоторого слова новым иероглифом, состоящим из уже существующего иероглифа с тем же звучанием (т.е. обозначающим омонимичное слово) и добавленного к нему детерминатива. Древний китайский язык был богат омонимами, поскольку число односложных слов в нем преобладало, а количество самих слогов, по условиям его фонетической системы, было ограничено. Таким образом, нетрудно было найти омонимичное слово и путем прибавления детерминатива к обозначающему его иероглифу придать последнему новое значение. Так для обозначения слова гань "устрица" использован в качестве фонетика омонимичный знак гань 甘, значение которого "сладкий". К не-

му добавлен детерминатив 虫, указывающий, что значение этого иероглифа относится к миру насекомых, слизняков, т.е. создан знак 蚘.

При создании иероглифа звучание и значение его были нераздельны; нет сомнения, что в древнем Китае знак создавался для обозначения слова и приобретал значение этого слова. Например, знак 山 был создан для обозначения слова шань "гора", читался шань и значил то же, что шань (т.е. "гора").

Важно отметить, что иероглифы употребляются для обозначения соответствующих понятий как самостоятельно, так и в составе сочетаний нескольких (двух, трех и более) иероглифов. Упрощенно это можно объяснить следующим образом. Иероглиф по своему происхождению представляет собой знак, обозначающий слово. Если идти по пути обозначения всего многообразия слов соответствующими им и имеющими отличный вид иероглифами, то в итоге придется оперировать системой письма, насчитывающей сотни тысяч знаков. Очевидно, это является нереальным. Здесь и оказывается удобным выходом из положения прием обозначения какого-либо понятия не новым иероглифом, а комбинацией уже существующих иероглифов. При этом иероглифы для сочетания подбираются не произвольным образом, а так, чтобы их значения во взаимодействии описывали значение обозначаемого сочетанием иероглифов понятия.

Так, например, для обозначения такого понятия как "студент" употребляется сочетание иероглифов 学生, состоящее из иероглифов 学 "учиться" и 生 "рождаться". Понятие "завод" обозначается сочетанием иероглифов 工場, состоящим из иероглифа 工 "работа" и иероглифа 場 "место".

Таким путем ограниченным (хотя и значительным) числом иероглифов, имеющих определенные значения, можно обозначить широкое многообразие понятий.

В связи с вышеизложенным необходимо сказать несколько слов по поводу чтений иероглифов. Как видно, иероглиф входит в состав иероглифического сочетания с оным чтением. При этом собственное значение иероглифа в составе иероглифического сочетания не сохраняется, а лишь участвует в формировании значения иероглифического сочетания. По этой причине оному чтению иероглифа едва ли возможно присвоить определенное значение. Русские слова, поставленные в соответствие с китайским словом, не должны рассматриваться как их перевод. Эти слова являются лишь средством раскрытия значения она.

Используя рассмотренный способ обозначения слов (когда значение какого-либо понятия передается сочетанием иероглифов, собственные значения которых в совокупности выражают, хотя и условно, смысл этого понятия), возможно составить разнообразные иероглифические

сочетания. При этом, что интересно, сначала составляется иероглифическое сочетание, для которого подбираются иероглифы с соответствующими значениями, а затем оно прочитывается и получается слово. Т.е. в данном случае имеет место явление обогащения устного языка письменным.

Таким образом, китайская письменность имела прежде всего зрительную природу; она зародилась и развивалась обособленно от устной речи. Еще одним важным следствием зрительной природы письма стала относительная неразвитость в китайском языке грамматических и синтаксических форм. Китайский иероглиф обозначает одновременно конкретный предмет и абстрактное понятие, он лишен морфологических показателей рода, числа, времени действия и даже частей речей. Значение слова определяется, как правило, его положением во фразе.

Таким образом, язык служит наглядным воплощением одной из интереснейших особенностей китайского мышления, а именно: отсутствия четкого разграничения между частью и целым, сущностью и декором, принципом и явлением. В китайской литературе перечисление конкретных признаков заменяет общее определение предмета или понятия, а изложение текста сводится к выбору наиболее содержательной цитаты из него.

В любом случае, китайские мудрецы видели назначение слова в том, чтобы в равной мере выражать и скрывать, называть и утаивать, что и запечатлено в многозначительном высказывании Конфуция: «Если слова выражают то, что нужно, этого достаточно» (Семенас/Semenas, 2005, с. 54). Это означает в действительности, что текст призван выражать меньше, чем в нем сказано, ибо он сопротивляется любому разворачиванию, расширению смысла.

Несмотря на стремление отразить в письменных знаках звучание соответствующих слов, в Китае так и не возникло ничего подобного звуковой азбуке, принятой в Корее и Японии. Причина тому лежит, без сомнения, в особенностях звукового строя китайского языка, состоящего из весьма ограниченного числа слогов (немногим более 400 в нормативном произношении (Софронов/Sofronov, 2007, с. 328) против, например, 1200 в английском языке). Учитывая, что в китайском лексиконе насчитывается до 50 тыс. слов (王力文集：第十二卷 / Ван Ли (Ван Ляо-и)/Van Li (Van Lyao-i), 1990, с. 245), каждый слог соответствует здесь необычайно большому количеству слов. Правда, каждый слог в нормативном произношении может произноситься четырьмя разными способами — так называемыми тонами, — что для китайцев (но далеко не всегда для иностранцев) значительно уменьшает вероятность смешения слов при восприятии языка на слух. (Система четырех тонов прослеживается в китайском языке еще с времен Цинь Шихуанди. Тем не

менее даже в базовой китайской лексике слогу «и» в четвертом тоне соответствуют более сорока различных иероглифов. Для того чтобы лучше различать одинаково звучащие слова, китайцы со временем все чаще стали прибегать к созданию двусложных (так называемых биномов) и даже трехсложных слов. Впервые такие слова вошли в лексикон в первые столетия н. э. благодаря переводам буддистской литературы Индии на китайский язык. Многосложные слова составляют основу словарного фонда современного китайского языка. Правда, не существует вполне объективных критериев различения между знаками, представляющими отдельное слово, и знаками, образующими бином. Читатель китайских текстов должен узнавать различные типы слов, полагаясь на свою эрудицию и опыт.

Помимо чисто лингвистических, существовали еще политические и социальные причины, воспрепятствовавшие переходу китайцев к слоговому или алфавитному письму. Иероглифическая письменность, оторванная от устной речи, была едва ли не главным фактором сохранения политического и культурного единства «китайского мира» при наличии большого числа местных диалектов. Кроме того, знание иероглифов и выраженной в них многовековой традиции книжной культуры, которое требовало многих лет кропотливого учения, стало главным отличительным признаком правящей элиты старого Китая. Несмотря на то, что уже к середине I тыс. н. э. письменный язык стал чисто книжным, образованные верхи старательно культивировали и совершенствовали его вплоть до нынешнего столетия.

Позднее, письмо становится едва ли не самым простым и общепонятным средством выражения творческой индивидуальности, в своем роде зеркалом душевного состояния пишущего. Впервые об этом заявил на рубеже н. э. ученый Ян Сюн, утверждавший, что «письмена — это картины сердца».

Таким образом, получается, что физический мир в китайской лингвистической традиции это словесное означивание физических действий или физических символов окружающего мира. В чем же отличительная особенность китайского языка в данном контексте?

Для европейских языков, качественно значимой единицей является слово, состоящее из одного или нескольких слогов. Важный признак данной лингвистической единицы — это ударение. Носителем всех видов ударения является слог. Соответственно, слог участвует в формировании ритма речи, смысловой окраске речи. Причем деление слова на слоги может происходить разными способами. И слоги, полученные в результате такого деления, могут совпадать, а могут и не совпадать с морфемами. С китайским языком ситуация обстоит немного по-другому. В китайском языке любой отрезок речи делится на слоги только един-

ственным образом. Это значит, что фонетическое деление китайской речи на слоги и семантическое деление на морфемы – значимые единицы речи – происходит без остатка и приводит к одним и тем же слоговым морфемам. Таким образом, слог китайского языка выступает в речи как слоговая морфема, при этом он всегда обладает устойчивым значением, неотделимым от этого слога. В речи он может выступать и односложным словом и частью многосложной лексической единицы.

Еще одной неотъемлемой характеристикой морфемы китайского языка является тон. На формирование тона – как смысловозначительного признака – влияет движение высоты и интенсивности голоса. Тон принадлежит самому слогу и сохраняется при любом его проявлении в речи. И только определенный слог, произнесенный определенным тоном обладает смыслом.

На письме слоговые морфемы закрепляются с помощью индивидуальных письменных знаков – иероглифов, которые первоначально имели полностью пиктографическую основу. Но в ходе развития языка все более заметным становится процесс перехода к фонетическому письму. Слоговая морфема – это минимальный носитель смысла. Этот смысл может быть как вещественным – знаменательным или служебным – так и нулевым в зависимости от знаковой функции слога в речи.

Слоговая морфема китайского языка является лингвистическим знаком в точном смысле этого слова: она представляет собой двустороннее единство описанной ранее фонетической нормы и некоторого содержания. Основой всех возможных – знаменательных и служебных – значений морфемы является ее глубинный смысл, который непосредственно связан с ее знаковой функцией.

Семантика морфемы китайского языка обнаруживает способность к изменению в очень широком диапазоне. Ее индивидуальное или словарное значение варьируется в зависимости от окружающих ее знаменательных или служебных морфем, входящих вместе с ней в состав лексической единицы, где происходит определение ее значения. По своей природе это взаимодействие представляет собой не автоматический, а творческий процесс. Наряду со стандартными синтаксическими сочетаниями морфем, в языке допускаются нестандартные, построенные на метафоре и метонимии сочетания. И основанием для этих сочетаний является то, что говорящий знает не только значение слов, но также и свойства предметов, обозначенных ими. Они представляют собой отраженные в речи способы восприятия и постижения мира.

Вот именно таким путем и происходит означивание окружающего мира и действительности в китайском языке.

Использованная литература

- Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Русские словари / Vezhbickaya, A. (1996). *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Russkie slovari (= Вежбицкая/Vezhbickaya, 1996).

Виноградов, В.В. (1999). *История слов*. Издательство «Наука» / Vinogradov, V.V. (1999). *Istoriya slov*. Izdatelstvo «Nauka» (= Виноградов/Vinogradov, 1999).

Гумбольдт, В. фон. (2000). Природа и свойства языка вообще. В: Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Издательство «Наука» / Humboldt, V. fon. (2000). *Priroda i svojstva yazyka voobshe*. In: Humboldt V. fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu*. Izdatelstvo «Nauka» (= Гумбольдт/Humboldt, 2000).

Малявин, В. В. (2001). *Китайская цивилизация*. Издательство «Наука» / Ma-lyavin, V. V. (2001). *Kitajskaya civilizaciya*. Izdatelstvo «Nauka» (= Малявин/ Ma-lyavin, 2001).

Поппер, К.Р. (2002). *Объективное знание. Эволюционный подход*. Издательство «Наука» / Popper, K.R. (2002). *Obektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod*. Izdatelstvo «Nauka» (= Поппер/Popper, 2002).

Семенас, А.Л. (2005). *Лексика китайского языка*. АСТ: Восток-Запад / Semenas, A.L. (2005). *Leksika kitajskogo yazyka*. AST: Vostok-Zapad (= Семенас/ Semenas, 2005).

Софронов, М.В. (2007). *Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций*. АСТ: Восток-Запад / Sofronov, M.V. (2007). *Kitajskij yazyk i kitajskaya pismennost. Kurs lekcij*. AST: Vostok-Zapad (= Софронов/Sofronov, 2007).

王力文集：第十二卷 / Ван Ли (Ван Ляо-и). (1990). *Собрание сочинений в 20-ти томах* (том 12: История китайского языкознания. Древняя фонология в эпоху Цин). Издательство Шаньдун цзяоюй чубаньшэ / Van Li (Van Lyao-i). (1990). *Sobranie sochinenij v 20-ti tomah* (tom 12: Istoriya kitajskogo yazykoznaniya. Drevnyaya fonologiya v epohu Cin). Izdatelstvo Shandun czyaoyuj chubanshe (= 王力文集：第十二卷/ Ван Ли (Ван Ляо-и)/Van Li (Van Lyao-i), 1990).